

АРСАМАНОВА Хадишат,
e-mail: arsamakova.h@odin.mgimo.ru

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В КОРПОРАТИВНЫХ СПОРАХ: ДОПУСТИМОСТЬ ПЕРЕПИСКИ, ЦИФРОВЫХ ПОДПИСЕЙ И ДАННЫХ CRM

Аннотация. В условиях цифровой трансформации экономики электронные доказательства становятся одним из ключевых средств доказывания при рассмотрении корпоративных споров. Расширение использования электронного документооборота, цифровых подписей, корпоративных информационных систем и электронных средств коммуникации обуславливает необходимость совершенствования правовых механизмов оценки их допустимости и достоверности в арбитражном процессе. Цель исследования заключается в комплексном анализе особенностей использования электронных доказательств в корпоративных спорах, выявлении критериев их допустимости и определении существующих проблем судебной практики. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы научного познания, а также анализ норм российского законодательства, материалов судебной практики и научных публикаций по исследуемой тематике. Проведенное исследование позволило систематизировать требования, предъявляемые к электронной переписке, документам, подписанным электронной подписью, и данным CRM-систем при их использовании в качестве доказательств. Выявлено, что признание электронных доказательств допустимыми зависит от возможности идентификации участников электронного взаимодействия, подтверждения их полномочий, обеспечения целостности цифровой информации и соблюдения процессуальных требований при представлении доказательств. Сделан вывод о необходимости дальнейшей унификации судебных подходов и совершенствования нормативно-правового регулирования использования электронных доказательств в корпоративных спорах, что позволит повысить эффективность защиты прав участников корпоративных отношений в условиях цифровизации.

Ключевые слова: электронные доказательства; корпоративные споры; арбитражный процесс; электронная подпись; электронная переписка; CRM-системы; цифровые доказательства; допустимость доказательств; судебная практика; цифровизация.

ARSAMAKOVA Hadishat

ELECTRONIC EVIDENCE IN CORPORATE DISPUTES: THE PERMISSIBILITY OF CORRESPONDENCE, DIGITAL SIGNATURES, AND CRM DATA

Annotation. In the context of the digital transformation of the economy, electronic evidence is becoming one of the key means of proving corporate disputes. The increasing use of electronic document management, digital signatures, corporate information systems and electronic means of communication necessitates the improvement of legal mechanisms for assessing their admissibility and reliability in the arbitration process. The purpose of the study is to comprehensively analyze the features of the use of electronic evidence in corporate disputes, identify criteria for their admissibility and identify existing problems of judicial practice. The methodological basis of the research was formed by formal legal, comparative legal and systematic methods of scientific knowledge, as well as an analysis of the norms of Russian legislation, materials of judicial practice and scientific publications on the subject under study. The conducted research made it possible to systematize the requirements for electronic correspondence, electronically signed documents, and CRM system data when used as evidence. It is revealed that the recognition of electronic evidence as acceptable depends on the possibility of identifying participants in electronic interaction, confirming their authority, ensuring the integrity of digital information and compliance with procedural requirements when presenting evidence. It is concluded that it is necessary to further unify judicial approaches and improve the legal regulation of the use of electronic

evidence in corporate disputes, which will increase the effectiveness of protecting the rights of participants in corporate relations in the context of digitalization.

Key words: *electronic evidence; corporate disputes; arbitration; electronic signature; electronic correspondence; CRM systems; digital evidence; admissibility of evidence; judicial practice; digitalization.*

Введение. В условиях стремительной цифровизации бизнес процессов актуальность исследования вопросов допустимости электронных доказательств в корпоративных спорах приобретает принципиально новое значение. Трансформация экономической деятельности, обусловленная повсеместным внедрением цифровых технологий, неизбежно влечёт за собой изменение форм фиксации юридически значимых обстоятельств, поскольку традиционная бумажная документация всё активнее вытесняется электронными аналогами - перепиской в мессенджерах и электронной почте, документами с электронной подписью, данными CRM систем и иными цифровыми следами хозяйственной деятельности.

Проблема допустимости электронных доказательств имеет как теоретическое, так и прикладное измерение. С теоретической точки зрения, она затрагивает фундаментальные вопросы доказательственного права: как обеспечить баланс между необходимостью учёта современных технологических реалий и сохранением гарантий достоверности и аутентичности доказательств. С практической - напрямую влияет на эффективность защиты корпоративных прав, поскольку отсутствие чётких критериев допустимости нередко приводит к отклонению судом важных доказательств исключительно из за их электронной формы.

Материалы и методы. Материалами исследования выступили положения действующего российского законодательства, регулирующего использование электронных доказательств в арбитражном процессе и корпоративных спорах, включая нормы Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федерального закона «Об электронной подписи», а также разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Эмпирическую основу исследования составили материалы судебной практики арбитражных судов различных округов Российской Федерации по делам, связанным с использованием электронной переписки, документов, подписанных электронной подписью, а также данных информационных систем и CRM-платформ в качестве доказательств.

Методологическая основа исследования сформирована совокупностью общенаучных и специальных юридических методов. Диалектиче-

ский метод позволил рассмотреть развитие института электронных доказательств в условиях цифровизации хозяйственных отношений. Формально-юридический метод использовался при анализе действующего законодательства и определении правовой природы различных видов электронных доказательств. Сравнительно-правовой метод применялся при сопоставлении нормативных положений с подходами, сформировавшимися в судебной практике. Метод системного анализа позволил исследовать взаимосвязь процессуальных требований, технических особенностей электронного документооборота и практики их применения в корпоративных спорах. Кроме того, использовался метод анализа судебной практики, направленный на выявление устойчивых тенденций при оценке судами допустимости электронной переписки, цифровых подписей и данных CRM-систем.

Применение указанной совокупности методов обеспечило комплексный анализ проблем допустимости электронных доказательств, позволило выявить существующие пробелы правового регулирования и сформулировать предложения, направленные на совершенствование практики использования цифровых доказательств при рассмотрении корпоративных споров.

Результаты и обсуждения. В условиях цифровизации хозяйственных отношений эффективное использование электронных доказательств требует системного подхода, сочетающего правовые, организационные и технические меры. Анализ судебной практики и доктринальных источников позволяет сформулировать ряд ключевых рекомендаций, направленных на повышение достоверности и допустимости цифровых данных в судебных разбирательствах.

Договорное закрепление правил электронного взаимодействия выступает первостепенным условием. Положениями ст. 434 ГК РФ допускается заключение договора посредством обмена электронными документами. В целях минимизации рисков, сопряженных с возможностью оспаривания, в договоры включаются специальные разделы, посвященные электронному документообороту. В рамках данных разделов подлежит определению перечень официальных каналов связи (корпоративная электронная почта, мессенджеры, платформы ЭДО), конкретные адреса и идентификаторы участников, регламентируется порядок подписания и обмена документами, а также устанавливаются правила фиксации и хра-

нения данных.

Применение систем электронного документооборота, функционирующих на базе квалифицированной электронной подписи, служит инструментом, гарантирующим высокий уровень правовой защиты. Положениями Федерального закона «Об электронной подписи» устанавливается, что документы, заверенные усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП), признаются юридически равнозначными бумажным аналогам, содержащим собственноручную подпись. К числу неоспоримых преимуществ подобного подхода относятся: автоматизированная регистрация момента подписания, обеспечение криптографической защиты целостности документации, а также возможность верификации подлинности подписи посредством обращения к аккредитованным удостоверяющим центрам.

Фиксация договорённости в письменной электронной форме (e mail, CRM, корпоративные порталы) требует соблюдения сохранения полной цепочки переписки без редактирования, указание в сообщениях реквизитов договора или иных идентифицирующих данных, использование корпоративных адресов, а не личных почтовых ящиков. Как показывает практика арбитражных судов, переписка признаётся допустимым доказательством, если она относится к предмету спора, содержит волеизъявление сторон, позволяет идентифицировать отправителя и получателя [11].

Основная трудность состоит в разрозненности применяемого компаниями подхода к выстраиванию электронного документооборота. Отдельными предприятиями внедряются лишь некоторые элементы (к примеру, системы ЭДО) при полном игнорировании сопутствующих мер — фиксации метаданных, процедур аудита доступа. Подобная практика формирует уязвимости, используемые для оспаривания доказательственной силы документов.

В корпоративных спорах, разрешаемых арбитражными судами в условиях тотальной цифровизации бизнес-процессов, электронные доказательства выступают неотъемлемым компонентом доказательственной базы. Анализ нормативно-правовых актов, материалов судебной практики и доктринальных положений позволяет сформулировать принципиальные выводы относительно роли и перспектив использования средств доказывания рассматриваемой категории. Применением электронных доказательств обеспечивается существенное расширение возможностей сторон, направленных на обоснование заявленных требований и возражений. Как свидетельствуют материалы арбитражных судов, судами все чаще признаются допустимыми доказательствами электронная переписка, документы, заверенные электронной подписью, сведения из CRM-систем,

а также иные цифровые следы при соблюдении совокупности условий: идентификации участников коммуникации, подтверждения их полномочий, обеспечения целостности и неизменности информации.

В судебной практике последних лет при применении электронных доказательств фиксируются две взаимосвязанные проблемы: детализированные формальные требования к их подаче и отсутствие единых оценочных критериев. Указанные обстоятельства формируют существенные барьеры для использования таких доказательств в корпоративных спорах. Регламентация оформления цифровых материалов носит крайне конкретизированный характер. При подаче скриншотов судами неизменно требуются обязательные атрибуты: URL-адрес источника, точная дата и время фиксации, сведения о лице, производившем захват изображения, а также технические характеристики устройства. Подобная степень детализации диктуется необходимостью обеспечения идентифицируемости и верифицируемости цифрового объекта. Отсутствие хотя бы одного из указанных элементов ставит под сомнение достоверность доказательства и служит формальным основанием для его отклонения судом. Отказ в приобщении скриншотов по причине отсутствия отметки о времени фиксации, несмотря на их содержательную ценность, иллюстрируется постановлением арбитражного суда [12].

Иные разновидности электронных доказательств (переписка, файлы, метаданные), помимо скриншотов, подчиняются жестким регламентам оформления. Полные заголовки сообщений (включая IP-адреса и идентификаторы серверов) обязаны содержать распечатки электронной переписки, а сведения о пользователе, внёшем изменения, и времени модификации записей — выгрузки из CRM-систем. Стороны сталкиваются с отсутствием единых стандартов оценки электронных доказательств при соблюдении всех формальных требований. Лишь общие принципы допустимости устанавливаются законодательством (ст. 71 ГПК РФ, ст. 75 АПК РФ), что оставляет судам широкую свободу усмотрения при определении степени достоверности цифровых следов, методов проверки подлинности (нотариальное заверение, экспертиза, внутреннее убеждение судьи), веса доказательства в совокупности с иными материалами дела.

Обсуждение. Споры, связанные с привлечением к корпоративной ответственности, рассматриваются в рамках процессуальной категории корпоративных споров и подпадают под компетенцию арбитражных судов.

В соответствии с п. 3 ч. 1 статьи 225.1 АПК РФ, арбитражные суды рассматривают споры, связанные с требованиями учредителей,

участников, членов юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, а также о признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и/или о применении последствий недействительности таких сделок, что означает то, что споры о корпоративной ответственности рассматриваются в специализированных арбитражных судах и имеют свои особенности в процедуре рассмотрения [1]. Достаточно распространенными остаются корпоративные споры, связанные с установлением аффилированности, посредством которой могут быть использованы в том числе электронные доказательства.

Так, например, в деле № А40-139272/2017 суд признал допустимым доказательством публикацию должника в соцсети, где он сообщал о переезде за рубеж [5]. Данные сведения стали основанием для наложения ареста на его имущество в РФ. Также указание лица в соцсети как родственника помогло признать недействительными сделки по продаже недвижимости должника в деле о банкротстве.

Принцип «отделения» является одним из основополагающих принципов корпоративного права, согласно которому юридическое лицо отделено от личности и имущества его участников, что означает, что участники юридического лица несут ответственность только в пределах своего вклада или иных оговоренных обязательств, а не за обязательства самого юридического лица. Однако, существуют исключения из этого принципа, прямо установленные законом. К числу таких исключений следует отнести, например, субсидиарную ответственность контролирующих лиц при банкротстве.

В рамках данной ответственности контролирующие лица могут нести субсидиарную ответственность за обязательства юридического лица в случае недостаточности его активов для удовлетворения требований кредиторов. В таких случаях привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц является исключением из принципа «отделения» и служит механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов [3]. Однако суды должны учитывать сущность конструкции юридического лица и его имущественную обособленность при применении этого механизма.

Юридическая сила электронных подписей определяется их разновидностью (простая, усиленная неквалифицированная, усиленная квалифицированная), а также степенью соблюдения нормативных предписаний ФЗ «Об электронной подписи». Вопросы о допустимости электронной переписки приобретают повышенную актуальность, так как именно в ней сторонами нередко фиксируются существенные условия договорен-

ностей. В то же время основаниями для оспаривания подобной переписки выступают отсутствие идентификации отправителя либо нарушение установленного регламента обмена данными. Дополнительный круг проблем формируется в контексте данных CRM-систем: хотя история взаимодействий с контрагентами и фиксируется указанными системами, под сомнение ставятся их неизменность и возможность внесения несанкционированных корректировок.

Неоднозначность, присущая подходам к оценке означенных доказательств, демонстрируется материалами судебной практики. Постановлением Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019 допускается возможность приобщения электронных документов к материалам дела в качестве доказательств, но при условии предварительного установления их достоверности [3]. Вместе с тем, на практике судами нередко выносится отказ в приобщении выгрузок из CRM-систем или скриншотов переписки, мотивированный отсутствием нотариального удостоверения или экспертного заключения, которым подлинность была бы подтверждена.

В условиях цифровой трансформации экономики вопросы правового регулирования и практического применения электронных доказательств обретают повышенную актуальность. Современным российским законодательством последовательно осуществляется интеграция цифровых форматов в систему доказывания, однако теоретическая база по-прежнему выступает предметом научных дискуссий и правоприменительных коллизий. Действующим процессуальным законодательством электронные доказательства рассматриваются в качестве разновидности письменных доказательств.

В ГПК РФ к письменным доказательствам отнесены «документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством электронной связи». Аналогичная норма закреплена в АПК РФ: документы, полученные через электронную связь, а также подписанные электронной подписью, допускаются в качестве письменных доказательств «в случаях и в порядке, которые предусмотрены АПК РФ, другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами или договором».

Законодательное определение электронного документа содержится в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]. Так, электронный документ «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно телекоммуникаци-

онным сетям или обработки в информационных системах». ГК РФ дополняет это определение, указывая, что электронный документ — информация, зафиксированная с применением программных средств и передаваемая через электронные средства связи.

Для признания электронной переписки допустимым доказательством необходимо соблюдение определенных условий. Так, достаточно важно установить принадлежность электронных адресов или номеров мессенджеров конкретным лицам, что может быть подтверждено договором (указание официальных адресов), деловым обычаем (длительная переписка) или дополнительными доказательствами (например, оплатой счетов, отправленных на указанный адрес). Кроме того, необходимо доказать, что лицо, ведущее переписку, уполномочено действовать от имени организации или в рамках договора. Для этого могут потребоваться доверенности, приказы о назначении на должность с указанием полномочий.

Арбитражные суды признают заключение договора путём обмена электронными документами, если в них согласованы все существенные условия, а стороны идентифицированы. Так, например, в деле № А40-65915/11-32-525 суд принял распечатки электронной переписки как доказательство [6]. Если в договоре не указаны официальные адреса, но переписка велась длительное время и стала деловой практикой, суды могут признать её допустимой, что подтверждает судебная практика.

Регистрация электронных адресов и аккаунтов в мессенджерах часто носит анонимный характер, что затрудняет установление принадлежности этих средств коммуникации конкретным лицам. Так, например, если переписка велась с личного адреса, а не с корпоративного, доказать принадлежность ящика контрагенту может быть невозможно, особенно если сервис не хранит персональные данные пользователей. В таких случаях суды учитывают косвенные доказательства: например, если на указанный адрес ранее направлялись счета, которые были оплачены, или если в переписке присутствуют персональные данные отправителя.

В другом примере из судебной практики подрядчик пытался подтвердить частичную выполнение работ перепиской с гендиректором и другими сотрудниками компании-заказчика. Заказчик возражал, так как сотрудники писали с личных адресов, а не с корпоративных. Однако суд принял переписку в качестве доказательства, поскольку в договоре не было запрета на обмен электронными документами, и заказчик не возражал против такого способа общения в течение длительного времени [7].

Даже если принадлежность аккаунта дока-

зана, необходимо подтвердить, что лицо, отправившее сообщение, имело полномочия действовать от имени компании, что особенно актуально, когда переписка ведётся не с официальных адресов, а с личных аккаунтов сотрудников.

Цифровые подписи также играют ключевую роль в корпоративных спорах, обеспечивая юридическую силу электронным документам и упрощая документооборот. Их применение регулируется ФЗ «Об электронной подписи», который определяет виды подписей, условия их использования и юридическую значимость. Ст. 6 федерального закона устанавливает, что документы, подписанные УКЭП, признаются равнозначными бумажным документам с собственноручной подписью, если иное не предусмотрено законом, при этом документы, подписанные ПЭП или УНЭП, имеют юридическую силу в случаях, установленных федеральными законами, нормативными актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия.

Для признания электронного договора действительным необходимо, чтобы стороны заранее согласовали использование электронной подписи в отдельном соглашении или включили соответствующие условия в основной договор. Для УКЭП такое соглашение не требуется. Суды часто признают документы, подписанные УКЭП, действительными, если соблюдены все процедурные требования. В случаях с ПЭП и УНЭП ключевое значение имеет наличие соглашения между сторонами. Так, например, арендодатель и арендатор обменялись сканами подписанного договора аренды, актов передачи и других документов. Арендатор получил транспорт и спецтехнику, но не платил по договору. Суд подтвердил заключение договора и долг, так как в электронном документе были прописаны существенные условия, имелись подписи и печати сторон, а арендатор подписал акты без замечаний [8].

При отсутствии доказательств законности использования подписи суд может признать документ недействительным. В другом примере, в деле № А40-27244/2016 суд признал допустимыми доказательствами электронные товарные накладные, подписанные УКЭП. Суд учёл, что стороны в договоре установили возможность использования электронного документооборота, а также наличие доверенности на подписание документов электронной подписью. Ответчик не представил доказательств, опровергающих достоверность доверенности, что подтвердило доказательную силу электронных накладных.

В решении Арбитражного суда Кемеровской области суд принял в качестве доказательства переписку в WhatsApp, учитывая её постоянный характер и содержание, отражающее волеизъявление сторон [9]. Однако в другом деле,

распечатки переписки в WhatsApp не были признаны допустимыми, так как не были заверены нотариально и не подтверждали принадлежность аккаунтов уполномоченным лицам [10].

CRM-системы аккумулируют совокупность сведений, которая выступает значимым элементом доказательственной базы в рамках судебных процессов. Фиксацию корпоративно значимых фактов, мониторинг исполнения поручений и документирование допущенных нарушений обеспечивают подобные информационные массивы. Фиксируемые события включают взаимодействие с контрагентами, ход реализации задач, а также обстоятельства, свидетельствующие о несоблюдении установленного регламента (такowymi, в частности, являются эпизоды невыполнения договорных обязательств, попытки получения неправомерного доступа к информационным ресурсам либо игнорирование корпоративных предписаний).

Тенденция обращения к сведениям, аккумулируемым в CRM-системах, в качестве доказательственной базы прослеживается в судебной практике последних лет. Вместе с тем, ряд значимых угроз, затрагивающих фундаментальные институты доказательственного права — вопросы установления подлинности, процедуры авторизации доступа к информационным массивам и обеспечения неизменности (целостности) зафиксированных сведений, сопряжен с вовлечением подобного рода данных в орбиту процессуального доказывания.

Одним из самых частых инструментов противодействия стороне, апеллирующей к CRM, выступает оспаривание достоверности сведений. Оппонент обладает правом заявлять о внесении изменений, дополнений либо удалении информации уже после начала судебного разбирательства ввиду нахождения системы под управлением её владельца (как правило, истца или ответчика). В юридической литературе констатируется, что доверие к данным информационной системы как к объективному источнику доказательств существенно снижается, если система находится в исключительном владении одной из сторон. Подобная ситуация влечёт за собой на практике возможность требования судом дополнительных гарантий неизменности информации — нотариального удостоверения скриншотов, протоколов осмотра системы либо заключения технической экспертизы. Вероятность отклонения доказательства сохраняется на высоком уровне при отсутствии названных подтверждений.

Требование доказать, что конкретное действие в CRM (создание записи, изменение статуса сделки, отправка сообщения) совершило уполномоченное лицо, порождает необходимость подтверждения авторизации доступа. Установление

авторства становится нетривиальной задачей в условиях, когда учётные записи могут быть скомпрометированы, переданы третьим лицам или использованы без ведома владельца. Стороны нередко ссылаются на несанкционированный доступ, как показывает судебная практика: например, утверждают, что злоумышленник выполнил действия в системе, а пароль был украден. Бремя доказывания в таких случаях ложится на сторону, представившую данные CRM: ей необходимо продемонстрировать, что сотрудник, чьё действие фиксируется, действительно обладал соответствующими полномочиями и что система обеспечивала достаточный уровень аутентификации (двухфакторная проверка, журналы входов, IP-фильтрация).

Критическим аспектом, требующим повышенного внимания, выступает целостность информации. Достоверность данных может быть поставлена под сомнение из-за потенциальных технических сбоев, ошибок синхронизации либо некорректного импорта или экспорта даже при отсутствии явного изменения данных. Анализ судебных решений показывает, что суды признают CRM-данные допустимыми чаще в тех случаях, когда сторона заранее закрепила в локальных актах или договорах правила работы с системой (обязательность внесения информации в CRM, порядок назначения прав доступа), представила доказательства невозможности изменения данных без следа (журналы аудита, защищённые от редактирования), а также обеспечила прозрачность процедуры фиксации информации (нотариальное удостоверение скриншотов или выгрузок).

Способность электронных доказательств оказывать решающее воздействие на разрешение корпоративного спора иллюстрируют проанализированные примеры. Вместе с тем от совокупности обстоятельств ставится в зависимость признание их допустимости и достоверности, среди которых: соблюдение условий договора (при закреплении в нем порядка электронного взаимодействия), установление личности отправителя и получателя информации, применение электронной подписи либо иных механизмов верификации подлинности, а также неукоснительное следование процессуальным предписаниям (в отдельных случаях - обращение к нотариальному удостоверению).

В контексте всей совокупности материалов дела судебные инстанции производят оценку электронных доказательств с установлением их относимости, допустимости и достаточности. Предварительное закрепление регламентов электронного документооборота в текстах договорных конструкций, применение квалифицированной электронной подписи, а также нотариальное фиксирование доказательственной базы при воз-

никновении угроз её утраты либо несанкционированной модификации практикуется для увеличения вероятности признания подобного рода доказательств.

В качестве центральной проблемы рассматриваемой предметной области выступает несбалансированность технологического потенциала CRM-систем и правовых инструментов их верификации. Современными CRM-решениями предоставляется функционал для осуществления детализированного аудита пользовательских операций, процедур шифрования информационных массивов, а также интеграции с механизмами электронной подписи. Практика эксплуатации указанных систем характеризуется неполноценным задействованием обозначенных возможностей.

Заключение. Как показывает анализ постановлений арбитражных судов округов (2022–2024 гг.), критерии принятия электронных доказательств варьируются даже в рамках одного региона. В одних случаях суды принимают распечатки переписки без дополнительных подтверждений, если она велась через корпоративные сервисы, в других – требуют экспертного заключения о неизменности данных.

Исходные контуры правового поля для обращения цифровых доказательств заданы действующими нормами права, однако существенная неопределенность интерпретационных подходов сопровождает практику правоприменения. Вариативность в оценке отдельных разновидностей электронных доказательств демонстрируют судебные инстанции: практически безусловно принимают к рассмотрению документы, подкрепленные квалифицированной электронной подписью, тогда как простая электронная подпись либо переписка, зафиксированная в мессенджерах, нуждаются в привлечении дополнительных подтверждающих механизмов (нотариальное удостоверение, производство экспертных исследований).

Необходимость разрешения ряда проблемных вопросов обуславливает перспективы развития законодательства в сфере цифровых доказательств. Одной из приоритетных задач признаётся уточнение критериев допустимости и достоверности отдельных видов электронных доказательств, в особенности в контексте внедрения блокчейна, технологий искусственного интеллекта и данных из мессенджеров. Внедрение унифицированных стандартов фиксации и хранения цифровых следов, охватывающих метаданные и логи доступа, видится целесообразным параллельно с этим. Свою актуальность сохраняет вопрос гармонизации норм гражданского и арбитражного процесса, адаптированных к специфике цифровых доказательств.

Список литературы:

- [1] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // Собрании законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
- [2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 3.
- [4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.
- [5] Постановление арбитражного суда Московского округа от 16.10.2019 // «Судебные и нормативные акты РФ».
- [6] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.07.2021 № Ф01-2738/2021 // «Судебные и нормативные акты РФ».
- [7] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.07.2021 № Ф01-2738/2021 // «Судебные и нормативные акты РФ».
- [8] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2021 № Ф09-1869/21 // «Судебные и нормативные акты РФ».
- [9] Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 18.04.2023 по делу № А27-13467/2022 // «Судебные и нормативные акты РФ».
- [10] Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.02.2022 по делу № А56-35798/2021 // «Судебные и нормативные акты РФ».
- [11] Постановление АС Московского округа от 15.03.2023 по делу № А40 215432/2022 // «Судебные и нормативные акты РФ».
- [12] Постановление АС Московского округа от 14.10.2019 по делу № Ф05 388/2019 // «Судебные и нормативные акты РФ».

References:

- [1] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated 24.07.2002 N 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.
- [2] Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ (as amended 24.06.2025) "On Information, Information Technologies and Information Protection" (amended

and supplemented, entry by virtue of 01.09.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (Part I). – Art. 3448.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – № 3.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.12.2017 No. 53 "On some issues related to bringing the debtor's controlling persons to justice in bankruptcy" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2018. – № 3.

[5] Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District dated 16.10.2019 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[6] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of 12.07.2021 No. F01-2738/2021 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[7] Resolution of the Arbitration Court of

the Volga-Vyatka District of 12.07.2021 No. F01-2738/2021 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[8] Resolution of the Arbitration Court of the Ural District of 26.04.2021 No. F09-1869/21 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

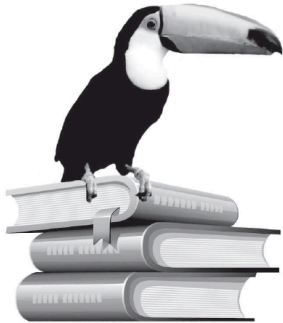
[9] Decision of the Arbitration Court of the Kemerovo Region dated 18.04.2023 in case No. A27-13467/2022 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[10] Decision of the Arbitration Court of St. Petersburg and Leningrad Region dated 04.02.2022 in case No. A56-35798/2021 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[11] Resolution of the NP of the Moscow District dated 15.03.2023 in case No. A40 215432/2022 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

[12] Resolution of the NP of the Moscow District dated 14.10.2019 in case No. F05 388/2019 // "Judicial and regulatory acts of the Russian Federation".

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.